

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС
СТАУТ

Прочитавшему —
смерть

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Прочитавшему – смерть

«Азбука-Аттикус»

1951

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стаут Р. Т.

Прочитавшему – смерть / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1951 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-19730-5

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. В нью-йоркское издательство поступает рукопись романа, которую редактор после прочтения отклоняет. Вскоре после этого начинают погибать те, кто читал или видел данное произведение. Убийце удастся уничтожить все машинописные экземпляры романа и настолько запутать следы, что полиция уже готова закрыть дело. Но тут за расследование берется Ниро Вулф...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-19730-5

© Стаут Р. Т., 1951
© Азбука-Аттикус, 1951

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Рекс Стаут

Прочитавшему – смерть

Rex Stout

MURDER BY THE BOOK

Copyright © 1951 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

All rights reserved

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

Перевод с английского Александра Санина, Нины Емельяниковой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. В. Санин, перевод, 1991

© Н. Л. Емельяникова (наследник), перевод, 1991

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

В тот зябкий январский вторник случилось нечто из ряда вон выходящее. Инспектор Кремер, не договорившись о встрече, нагрянул около полудня в старый, из бурого песчаника, особняк Ниро Вулфа на Западной Тридцать пятой улице и, пройдя вслед за мной в кабинет, обменялся приветствиями с Вулфом, уселся в красное кожаное кресло и без обиняков выпалил:

– Я заскочил попросить о маленьком одолжении.

Самое поразительное, что он сам это признал. Я исторг сдавленный стон и едва не свалился со стула. Кремер ожег меня пронизывающим взглядом и спросил, не заболел ли я.

– Нет, сэр, – учтиво ответил я. – Я здоров как бык. Но вы только что ошарашили меня. Вы столько раз, приходя за одолжением, пытались взять его силой или выколотить, что теперь я просто потрясен. Ну да ладно, – великодушно отмахнулся я, – кто старое помянет...

Лицо инспектора, и без того красное, побагровело еще больше. Широкие плечи напряглись, а серо-голубые глаза прищурились, отчего резче обозначились разбегавшиеся паутинкой морщинки. Но, видно, решив, что я валяю дурака, он сдержался.

– Знаете, кого бы я не прочь порасспросить на ваш счет? – поинтересовался он. – Дарвина. Чем вы занимались, пока обезьяна превращалась в человека?

– Хватит ссориться, – пробормотал из-за своего стола Вулф.

В его голосе угадывалось раздражение. Вулф готов был спокойно созерцать, как мы с Кремером вцепимся друг другу в физиономии, но совершенно не выносил, когда его отрывали от разгадывания кроссворда в лондонской «Таймс».

– О каком одолжении, сэр? – нахмурившись, спросил он.

– Суший пустяк. – Кремер мигом успокоился. – Кое-что в связи с одним убийством. Неделю назад из Ист-Ривер возле Девяностой улицы выловили труп утопленника. Его звали...

– Леонард Дайкс, – бесцеремонно перебил инспектора Вулф, пытаясь побыстрее покончить с этим делом, чтобы успеть разгадать кроссворд до ланча. – Доверенный делопроизводитель в юридической конторе, лет сорока, пробыл в воде около двух дней. Имеются признаки сильного удара по голове, но смерть наступила от попадания воды в легкие. До вчерашнего вечера обвинения еще никому не предъявили. Я читаю все новости об убийствах.

– Еще бы! – по привычке буркнул Кремер, но тут же спохватился, что поступил нетактично, и поспешил исправиться, широко улыбнувшись; он умел улыбаться, когда хотел. – Мало того что преступник не найден, нам даже уцепиться не за что. Мы сделали все, как положено, сами знаете, и зашли в тупик. Жил он один в крохотной квартирке в доме без лифта на Салливан-стрит. Квартиру успели обыскать до нас. Не перевернули все вверх дном, но прочесали как следует. Ничего важного мы не нашли, но вот одна вещь, возможно, могла бы помочь, сумей мы разгадать ее смысл. – Он выудил из внутреннего кармана пиджака какие-то бумаги, выбрал из них конверт и достал из него сложенный пополам листок. – Мы нашли его в книге, в романе. Могу сказать, как называется роман и между какими страницами был заложен листок, но вряд ли это важно. – Кремер встал и передал листок Вулфу. – Взгляните.

Вулф пробежал листок глазами, а поскольку мне полагалось быть в курсе всех дел, чтобы Вулф в случае чего мог свалить вину на меня, я поднялся и протянул руку. Он отдал листок мне.

– Почерк Дайкса, – добавил Кремер. – Листок вырван из блокнота, найденного на письменном столе. Такие же блокноты лежат в ящике стола.

Я кинул взгляд на листок. Обычная белая бумага, шесть дюймов на девять, наверху аккуратным, почти прямым почерком написано и подчеркнуто слово «варианты». Далее следовал список имен:

Синклер Мид
Синклер Сэмпсон
Барри Боуэн
Дэвид Йеркс
Эрнест Винсон
Дориан Вик
Бэйрд Арчер
Оскар Шифф
Оскар Коудли
Лоренс Маккью
Марк Маккью
Марк Флик
Мак Флик
Луи Гилл
Льюис Гилл

Я вернул листок Кремеру и уселся на свой стул.

– Ну и что? – нетерпеливо спросил Вулф.

– Мне было по пути, и я решил: заскочу к вам и покажу его. – Кремер сложил листок и спрятал его в конверт. – Не то чтобы я очень рассчитывал на вашу помощь – возможно, перечень имен не имеет к убийству никакого отношения, – но что-то задело меня за живое, и я решил заглянуть, спросить ваше мнение. Дайкс написал пятнадцать имен, но ни одно из них не числится в нью-йоркских телефонных справочниках! Или каких-либо иных. Нигде не зарегистрирован человек под таким именем. Никто из друзей или коллег Дайкса, по их словам, не слышал о людях с такими именами. Я имею в виду имена вместе с фамилиями, как в списке. Конечно, по всей стране мы не искали, но Дайкс был урожденным и потомственным ньюйоркцем и, насколько нам известно, здесь и жил. Где он откопал эти имена, черт побери?!

– Он их выдумал, – буркнул Вулф. – Выбирал псевдоним для себя или кого-то еще.

– Об этом мы, естественно, подумали. Но сколько ни искали, нигде ничего подобного не встретили.

– Продолжайте искать, если надеетесь, что овчинка выделки стоит.

– Да, конечно. Но мы всего лишь простые смертные, и я прикинул: дай-ка покажу список гению и посмотрю, что из этого выйдет. Гении ведь непредсказуемы.

– Очень жаль, – пожал плечами Вулф. – Ничего не вышло.

– Что ж, прошу прощения... – Кремер встал; он явно был раздосадован, но его нельзя было в этом винить, – что отнял у вас столько времени, да еще и задаром. Не беспокойтесь, Гудвин, я найду дверь сам. – Он повернулся и вышел из кабинета.

Вулф склонился над кроссвордом, нахмурил брови и взял со стола карандаш.

Глава 2

Кремер не зря съехидничал. Вулф терпеть не мог тратить свое драгоценное серое вещество на то, что именовал работой, и за все годы, что я состоял у него на жалованье, как правило, лишь щедрый задаток заставлял его впрячься в работу. Но Вулф отнюдь не бездельник. Да и может ли он бить баклуши, когда на свой доход частного детектива ему приходится содержать наш старый особняк с оранжереей под крышей, где под присмотром Теодора Хорстмана выращиваются орхидеи, и Фрица Бреннера, который готовит лучшие блюда во всем Нью-Йорке, и меня, Арчи Гудвина, который выпрашивает прибавку к жалованью всякий раз, когда приобретает новый костюм, и время от времени добывается своего. Как ни крути, но в месяц выходит тысяч десять, а то и больше.

Весь январь и первую половину февраля дела шли не так уж успешно, если не считать нескольких мелких случаев, когда наши с Вулфом роли сводились к инструктированию Сола Пензера, Фреда Даркина и Орри Кэтера, да еще одной заварушки с участием банды похитителей мехов, когда в нас с Фредом стреляли. Потом, когда с того дня, как Кремер заскочил показать список гению и ушел ни с чем, прошло почти полтора месяца, утром в понедельник позвонил некий Джон Р. Уэллман с просьбой принять его, и я назначил ему на шесть вечера. Он явился на несколько минут раньше. Я провел его в кабинет, усадил в красное кожаное кресло дожидаться, пока Вулф не спустится из оранжереи, придвинул ему под правую руку маленький столик для удобства, а вдруг посетитель захочет черкнуть пару строк, скажем, в чековой книжке. Джон Р. Уэллман был приземист, лысоват, с брюшком и носом пуговкой, на котором с трудом удерживались очки без оправы. Простой серый костюм и скромная рубашка с галстуком придавали гостю не слишком респектабельный вид, но он сообщил по телефону, что занимается оптовой торговлей бакалейными товарами в Пеории, штат Иллинойс, и я успел выяснить состояние его дел в банке. Мы бы не отказались принять от него чек, если до этого дойдет, конечно.

При появлении Вулфа Уэллман встал и протянул руку. Порой Вулф заставляет себя скрыть свою неприязнь к обмену рукопожатиями с незнакомцами, а иногда и не скрывает ее. На этот раз он свершил над собой насилие, после чего обогнул угол стола и поместил свою тушу весом одну седьмую тонны в единственное подходящее для нее кресло на всем белом свете. Он положил руки на подлокотники, откинулся на спинку кресла и посмотрел на посетителя:

– Слушаю, мистер Уэллман.

– Я хочу нанять вас, – сказал Уэллман.

– Для чего?

– Я хочу, чтобы вы нашли... – Голос его прервался, а подбородок мелко-мелко задрожал; Уэллман потряс головой, словно отгонял мух, снял очки, вытер кончиками пальцев уголки глаз и снова нацепил очки, с трудом приладив их на место. – Боюсь, я не очень владею собой, – извинился он. – Я сильно недосыпаю в последнее время и устал. Я хочу, чтобы вы нашли убийцу моей дочери.

Вулф метнул на меня быстрый взгляд, и я извлек блокнот и ручку. Уэллман не сводил с Вулфа глаз, а я его не интересовал.

– Когда, где и как она умерла? – спросил его Вулф.

– Она погибла под колесами машины в Ван-Кортланд-парке семнадцать дней назад. В пятницу вечером, второго февраля. – Уэллман взял себя в руки. – Я хотел бы рассказать вам о ней.

– Я слушаю.

– Мы с женой живем в Пеории, штат Иллинойс. Я открыл там дело больше двадцати лет назад. У нас был единственный ребенок, наша дочь Джоан. Мы очень... – Он вновь замолчал.

и какое-то время сидел неподвижно, глядя прямо перед собой. – Мы очень гордились ею, – продолжил он. – Четыре года назад она окончила с отличием колледж Смит и устроилась на работу в редакционный отдел издательства «Шолл энд Ханна». Ею были довольны. Об этом мне сказал сам Шолл. В ноябре ей исполнилось двадцать шесть. – Он бессильно всплеснул руками. – Глядя на меня, не подумаешь, что моя дочь может быть красавицей, но это так. Она была прелестна, моя дочурка, все говорили, и голова у нее была светлая. – Из бокового кармана он вынул пухлый конверт. – Сейчас я вам покажу. – Он встал и передал конверт Вулфу. – Здесь с десяток самых лучших ее фотографий. Я приготовил их для полиции, но им они не потребовались, а вам, быть может, пригодятся. Взгляните сами.

Вулф протянул мне один из снимков, я встал и взял его. Красавицей в истинном смысле слова я бы ее не назвал, но если фото и впрямь походило на оригинал, то Джоан Уэллман была довольно интересной девицей. Подбородок, на мой вкус, великоват, но глаза и лоб и впрямь что надо.

– Она была красавицей, – повторил Уэллман и снова замолчал.

Вулф совершенно не выносил, когда люди преувеличивают.

– Я просил бы вас избегать таких слов, как «красавица» и «гордились», – проворчал он. – Нам нужны только беспристрастные факты. Вы хотите нанять меня, чтобы выяснить, кто сидел за рулем той машины?

– Я просто глупец, – вдруг произнес Уэллман.

– Тогда не нанимайте меня.

– Я не то имел в виду. Просто я несу всякий вздор, вместо того чтобы изложить вам суть дела. Сейчас. – Губы у него снова дрогнули, но он овладел собой. – Вот как было дело. Две недели назад, в субботу, мы получили телеграмму с извещением о смерти Джоан. Мы доехали на машине до Чикаго и оттуда вылетели в Нью-Йорк. Мы видели ее тело. Автомобиль переехал прямо через нее, а на голове, над правым ухом, была большая ссадина. Я говорил и с полицейскими, и с врачом, который освидетельствовал тело. – Уэллман уже полностью взял себя в руки. – Я не верю, что Джоан могла гулять в столь уединенном районе парка, в стороне от главной дороги, в такой холодный зимний вечер, и моя жена тоже не верит. И откуда у нее на голове эта ссадина? Не машина же ее ударила. Врач предполагает, что она ударилась при падении, но это очень сомнительно. По-моему, он и сам настроен скептически. В полиции меня уверяют, что занимаются нашим делом, но я им не верю. Думаю, они считают это обычным случайным наездом и все усилия сосредоточили на поисках машины. Я же убежден: мою дочь убили. Я даже могу назвать имя убийцы.

– Вот как? – Вулф слегка вскинул брови. – Вы сказали об этом в полиции?

– Конечно. Но они только кивали и заверяли, что занимаются этим. Они ни на шаг не продвинулись, да и не продвинутся. Вот я и решил прийти к вам...

– У вас есть доказательства?

– Я считаю, что да, а полицейские, видно, нет. – Он вынул из внутреннего кармана пиджака конверт. – Джоан писала домой практически каждую неделю. – Он достал из конверта листок бумаги и развернул его. – Это копия, которую я напечатал, оригинал остался в полиции. Письмо датировано первым февраля. Я зачитаю только выдержку: «Еще хочу вам сказать, что завтра у меня необычное свидание. Поскольку теперь по решению мистера Ханны мы несем личную ответственность за отклонение рукописей, кроме разве что откровенной халтуры, а большинство рукописей таковой и являются, я возвращаю многие произведения авторам вместе с отпечатанной запиской, на которой стоит моя подпись, так уж у нас заведено. Осенью я возвратила рукопись романа некоему Бэйрду Арчеру и позабыла даже думать о ней, как вдруг вчера мне позвонил в издательство человек, назвался Бэйрдом Арчером и спросил, помню ли я свое сопроводительное послание, и я ответила, что помню. Он спросил, читал ли еще кто-нибудь его рукопись, я ответила, что нет, и тогда он сделал мне потрясающее предложение!

Он сказал, что готов платить двадцать долларов в час, если я соглашусь обсудить с ним роман и внести в рукопись поправки! Как вы на это смотрите? Даже если работа займет всего пять часов, я заработаю лишнюю сотню, хотя она у меня долго не залежится, ведь вы знаете свою дочь, мои обожаемые и любящие родители. Встреча назначена на завтрашний вечер, сразу после работы». – Уэллман зашуршал письмом. – Письмо написано...

– Могу я взглянуть? – Глаза Вулфа странно блеснули.

Видно, что-то в письме Джоан Уэллман его вдохновило, но, получив листок из рук Уэллмана, он лишь мельком взглянул на него и передал мне. Я внимательно прочитал письмо, стараясь в то же время не упустить ничего важного из разговора.

– Письмо написано, – продолжил Уэллман, – в четверг, первого февраля. Свидание с этим мужчиной было назначено на следующий вечер, в пятницу, после работы. А ранним утром в субботу ее тело нашли на безлюдной аллее в Ван-Кортланд-парке. Разве есть сомнения в том, кто убийца?

Вулф откинулся на спинку кресла:

– Ничто не указывало на возможность изнасилования? Свидетельств насилия не обнаружили?

– Нет. – Уэллман закрыл глаза и сжал ладони в кулаки; совладав с чувствами, он открыл глаза. – Ничего подобного не было. Никаких следов насилия.

– А что говорят в полиции?

– Они пытаются разыскать этого Арчера, но не могут. Он как в воду канул. Они говорят, им не за что ухватиться. Я думаю...

– Вздор! Конечно им есть за что ухватиться. В издательствах имеются архивы. Он прислал рукопись осенью и получил назад вместе с запиской от вашей дочери. А вот как получил и по какому адресу?

– Рукопись отправили по почте на тот адрес, что он оставил: почтовое отделение Клинтон-Стейшн, до востребования. Это на Западной Десятой улице. – Уэллман разжал кулаки. – Я не хочу сказать, будто полицейские умыли руки. Быть может, они делают все, что в их силах, но за семнадцать дней они не продвинулись ни на шаг, и мне не понравилось, как они разговаривали вчера и сегодня утром. Похоже, они не хотят получить еще одно нераскрытое убийство и предпочитают называть его непредумышленным убийством, то есть надеются свести все к случайному наезду. Я мало знаком с методами нью-йоркской полиции, но, как по-вашему, от них ведь можно такого ожидать?

– Вполне возможно, – проворчал Вулф. – Так вы хотите, чтобы я доказал, что вашу дочь убили, и нашел убийцу?

– Да. – Уэллман вдруг смешался, открыл было рот и закрыл его, потом взглянул на меня, затем перевел взгляд на Вулфа. – Мистер Вулф, я признаю, что мной движет желание свести счеты. Я понимаю: это грешно и безнравственно. Моя жена и пастор нашего прихода так говорят. На прошлой неделе я был дома, и они мне это сказали. Грешно замысливать мщение, но вот я здесь и ничего не могу с собой поделать. Пусть даже это случайный наезд, но полиция все равно не найдет убийцу, а потому я твердо решил, что не вернусь в Пеорию и не возьмусь за дела до тех пор, пока убийца не будет разоблачен и не получит свое. У меня довольно прибыльное дело и собственность кое-какая имеется, но я согласен разориться и умереть нищим, лишь бы найти подлого негодяя, который убил мою дочь. Быть может, не стоит так говорить. Все же я вас не слишком хорошо знаю, разве что по репутации. Вы можете и отказаться работать на человека с такими греховными помыслами, но я не хотел кривить душой.

Уэллман снял очки и принялся протирать их носовым платком. Это меня тронуло. Он не хотел смущать Вулфа и смотреть ему в глаза, пока Вулф принимает решение, браться ли за дело, которое предлагает такой закоренелый негодяй, как Джон Р. Уэллман из Пеории, штат Иллинойс.

– Я тоже буду откровенен, – сухо сказал Вулф. – Мотив мести как таковой не имеет значения, когда я решаю, браться за дело или отказаться. Но своим признанием вы допустили ошибку. И если я намеревался просить у вас задаток в две тысячи долларов, то теперь повышаю сумму до пяти тысяч. Но не просто для того, чтобы это послужило вам уроком. Поскольку полиция за целых семнадцать дней ничего не нашла, нам придется потратить немало средств и усилий. Еще несколько вопросов, и я готов буду приступить.

– Я не хотел кривить душой, – повторил Уэллман.

Когда полчаса спустя он ушел, его чек остался на моем столе под пресс-папье вместе с копией последнего письма Джоан Уэллман, а мой блокнот обогатился новыми сведениями, которых вполне хватало, чтобы Вулф мог, как он выразился, приступить к делу. Провожая Уэллмана, я вышел с ним в прихожую и помог надеть пальто. Когда я приоткрыл дверь, чтобы его выпустить, он протянул мне руку, и я охотно пожал ее.

– Ничего, если время от времени я буду позванивать вам? – робко спросил Уэллман. – Просто узнавать, нет ли чего нового? Я постараюсь не слишком надоедать, но вы уж извините, я очень настырный.

– В любое время, – заверил его я. – Я всегда готов сказать: «Ничего нового».

– Он ведь и в самом деле хороший сыщик, да? Я спрашиваю про мистера Вулфа.

– Лучше не бывает. – Я постарался вложить в голос максимум убежденности.

– Ну что ж... Тогда будем надеяться... – Уэллман вышел на крыльцо, продуваемое ледяным западным ветром, и я подождал, пока он не спустится на тротуар. В подобном состоянии ему ничего не стоило загреметь вниз по всем семи ступенькам.

Вернувшись в прихожую, я задержался на миг перед дверью в кабинет и принялся. Я знал, что Фриц готовит свиные ребрышки под соусом, который они придумали вдвоем с Вулфом, и, хотя дверь на кухню была закрыта, мой нос все же учуял волшебный аромат. Войдя в кабинет, я увидел, что Вулф сидит с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. Я взял чек Уэллмана, полюбовался на него и запер в сейф, потом подошел к столу Вулфа, чтобы еще разок взглянуть на фотографии Джоан Уэллман. Да, судя по снимкам, с ней было бы приятно познакомиться.

– Если вы работаете, – произнес я, – то пора завязывать. Через десять минут обед. – (Глаза Вулфа приоткрылись.) – Ну так что у нас: убийство или нет? – поинтересовался я.

– Конечно убийство. – В голосе Вулфа прозвучала спесь.

– Ага. Нам везет. А почему? Из-за того, что она не могла разгуливать по этому парку в феврале?

– Нет! – презрительно хмыкнул он. – Уж тебе-то следовало бы знать почему.

– Мне? Благодарю покорно. А почему мне?

– Эх, Арчи, Арчи! Столько лет я учу тебя быть наблюдательным. Ты распустился. Недавно мистер Кремер показывал нам список имен на листке бумаги. Седьмым по счету шел Бэйрд Арчер. В тот вечер, когда ее убили, мисс Уэллман должна была встретиться с человеком по имени Бэйрд Арчер. Леонарда Дайкса, который составил этот список, тоже убили. Было бы очень глупо не предположить, что мисс Уэллман пала от рук убийцы.

Я круто повернулся, шагнул к своему вращающемуся креслу и уселся лицом к Вулфу.

– Ах, вот вы о чем, – небрежно бросил я. – Я решил, что это просто совпадение.

– Пф! Ты просто прошляпил. Ты распустился.

– Хорошо, я распустился. Я не электроническая машина.

– Нет такого слова.

– Теперь есть. Я ввел его. – Я кипел от негодования. – Я же не робот. С тех пор прошло полтора месяца, а я и взглянул-то на этот список одним глазком. Вы, правда, тоже, но ведь вы – это вы. А будь наоборот? Вдруг бы я вспомнил это имя, а вы нет? Тогда я владел бы

этим особняком и банковским счетом, а вы были бы у меня на побегушках. Как бы вам это понравилось? Или предпочитаете все как есть? Выбирайте.

Он фыркнул:

– Соедини меня с мистером Кремером.

– Слушаюсь. – Я развернулся к телефону и набрал номер.

Глава 3

Говоря по-простому, я отрыгнул. Если вас такое выражение шокирует, то у меня началась дисфагия. Как бы то ни было, но я решил, что Вулфу и инспектору Кремеру придется с этим примириться, – так уж реагирует мой желудок на кислую капусту. Поймите меня правильно: я вовсе не собираюсь этим гордиться, но и наступать себе на горло не позволю. Хочу, чтобы меня принимали таким, какой я есть.

Если Кремер или Вулф и заметили, что случилось, то виду никто не подал. Сидя на своем обычном месте во время вечерних заседаний в кабинете, я находился в стороне от Вулфа, высившегося над столом, и Кремера, развалившегося в красном кожаном кресле. А начался разговор с того, что Вулф любезно предложил выпить. Кремер выбрал виски с содовой, и Фриц доставил напитки в кабинет. Кремер отхлебнул и похвалил виски, явно не покривив душой.

– Так вы сказали по телефону, – обратился Кремер к Вулфу, – что можете сообщить мне кое-что интересное.

Вулф отставил стакан с пивом и кивнул:

– Да, сэр. Если, конечно, вам это до сих пор нужно. В последнее время газеты перестали упоминать о Леонарде Дайксе – утопленнике, которого выловили из реки около двух месяцев назад. Вы еще занимаетесь этим делом?

– Нет.

– А что-нибудь прояснилось по нему?

– Нет, ничего.

– Тогда мне хотелось бы сначала посоветоваться с вами, поскольку дело довольно щекотливое. – Вулф откинулся на спинку кресла и устроился поудобнее. – Я стою перед выбором. Семнадцать дней назад в Ван-Кортланд-парке на безлюдной аллее нашли тело молодой женщины Джоан Уэллман, которую сбила машина. Ее отец из Пеории, штат Иллинойс, не удовлетворен тем, как полиция ведет расследование, и нанял меня. Мы беседовали с ним здесь сегодня вечером. Два часа назад он ушел, и я немедленно позвонил вам. У меня есть основания полагать, что смерть мисс Уэллман не была случайной и что ее убийство связано с убийством Дайкса.

– Любопытно, – признал Кремер. – Вы это поняли, поговорив с клиентом?

– Да. И теперь я стою перед выбором. Я могу предложить сделку вашему коллеге из Бронкса и готов раскрыть связь между обоими убийствами. Это ему, безусловно, поможет в расследовании, при условии что он согласится со мной сотрудничать, с тем чтобы заверить моего клиента, когда дело раскроют, конечно, что я заслужил свой гонорар. Или могу сделать такое же предложение вам. Поскольку дочь моего клиента убили в Бронксе, то есть на территории вашего коллеги, то, возможно, следовало связаться с ним, но, с другой стороны, Дайкса-то убили на Манхэттене. Что скажете?

– Что я скажу? – проворчал Кремер. – Нечто подобное я ожидал и не обманулся. Вы хотите, чтобы в обмен на вашу информацию об убийстве я посулил вам помочь заработать гонорар, а если я не соглашусь, то грозите продать информацию полиции Бронкса. А если и там ваш номер не пройдет, то вы ее просто утаите? Так?

– Мне нечего утаивать.

– Черт побери, вы сами сказали...

– Я сказал, у меня есть основания полагать, что существует связь между обоими убийствами. Конечно, в своих предположениях я исхожу из определенной информации, но полиции известно все то, что известно и мне. Полицейское управление – могущественная организация. Если вы войдете в контакт с уголовной полицией Бронкса, то весьма вероятно, что рано или поздно вы придете к тем же выводам, что и я. Я хотел только сэкономить вам время и усилия.

Нельзя обвинить меня в утаивании информации, когда полиции двух районов известны те же факты, что и мне.

Кремер хрюкнул от возмущения.

– Ничего, когда-нибудь... – неясно пригрозил он и снова хрюкнул.

– Я делаю это предложение, – продолжал Вулф, – чтобы помочь вам, а также потому, что дело довольно запутанное и потребует значительных усилий, а мои возможности ограничены. А условие я ставлю потому, что, случись вам с моей помощью быстро покончить с этим делом, не прибегая больше к моим услугам, не хочу, чтобы мой клиент отказался платить по счету. Я предлагаю следующее: если по завершении расследования вы придете к выводу, что убийство мисс Уэллман осталось бы нераскрытым, не обратись ко мне мистер Уэллман, то вы так ему и скажете, только ему, не журналистам.

Вулф потянулся к своему стакану и отхлебнул пива.

– Ну это меня устраивает, – заявил Кремер. – Выкладывайте.

Вулф вытер губы носовым платком.

– И еще: мистер Гудвин должен получить допуск к обоим делам – Дайкса и мисс Уэллман.

– У нас нет дела Уэллман.

– Когда я объясню вам, как связаны оба убийства, вы его затребуете.

– Это противоречит инструкциям управления.

– В самом деле? Тогда прошу прощения. Было бы обоюдовыгодно обмениваться информацией, и жаль, конечно, что придется затратить много времени и денег моего клиента, чтобы раздобыть сведения, которыми вы уже располагаете, но нарушать инструкции – нет, об этом не может быть и речи.

Кремер свирепо посмотрел на него:

– Знаете, Вулф, одна из многих причин, почему вы совершенно невыносимы, состоит в том, что вы ухитряетесь так ловко ехидничать, что это не воспринимается как ехидство. И это лишь один из арсенала ваших оскорбительных приемов. Будь по-вашему, я прослежу, чтобы вы получили все сведения. Что у вас там насчет связи?

– Вы принимаете мои условия?

– Да, черт побери! Не могу же я допустить, чтобы вы умерли от голода.

Вулф повернулся ко мне:

– Письмо, Арчи.

Я достал письмо из-под пресс-папье и передал ему.

– Вот, – обратился Вулф к Кремеру, – копия письма, которое мисс Уэллман написала родителям в четверг, первого февраля. На следующий вечер, в пятницу, ее убили. – Он протянул руку, и Кремер привстал, чтобы взять письмо. – Можете прочитать его целиком, но интересующие вас сведения – в отчеркнутом абзаце.

Кремер так и впился в письмо. Читал он долго и, покончив с чтением, нахмурился. Все еще не переставая хмуриться, он взглянул на Вулфа:

– Где-то мне попадалось это имя. Бэйрд Арчер. Вам не кажется?

Вулф кивнул:

– Хотите, проверим, сколько времени у вас уйдет на то, чтобы вспомнить?

– Нет. Где же?

– В списке имен, составленном Леонардом Дайксом, который вы приносили полтора месяца назад. Оно шло седьмым по счету, а может, восьмым. Но не шестым.

– Когда вы впервые увидели это письмо?

– Сегодня вечером. Я получил его из рук клиента.

– Провалиться мне на этом месте! – Кремер вытаращился на Вулфа, потом – на подчеркнутый абзац. Затем аккуратно и не спеша сложил письмо и сунул в карман.

– Оригинал находится у вашего коллеги из Бронкса, – пояснил Вулф. – А это моя копия.

– Угу. Я одолжу ее. – Кремер поднял стакан, отпил изрядный глоток и устался на угол стола Вулфа, потом отхлебнул еще и вновь вернулся к изучению стола; так, чередуя глотки с разглядыванием стола, он осушил стакан и поставил его на маленький столик. – Что еще у вас есть?

– Ничего.

– Что вы успели предпринять?

– Ничего. Отпустив клиента, я сел обедать.

– Это уж точно. – Кремер пружинисто, словно молодой, взлетел из кресла. – Ну, я пошел. Черт побери, а ведь я уже домой топал!

Он зашагал в прихожую. Я двинулся следом за ним.

Когда я вернулся в кабинет, проводив блюстителя закона, Вулф безмятежно откупоривал очередную бутылку пива.

– Как вы отнесетесь к тому, – предложил я, – что я вызову по телефону Сола, Фреда и Орри. Вы нас надоумите, как действовать, и мы назначим срок, допустим завтра на рассвете, для раскрытия обоих преступлений. То-то мы утрем нос Кремеру.

– Не заносись, Арчи! – сердито зыркнул на меня Вулф. – Все далеко не так просто. Люди мистера Кремера пусть и не очень рьяно, но разыскивали Бэйрда Арчера целых семь недель. Полицейские из Бронкса занимались расследованием семнадцать дней. Теперь они примутся за поиски по-настоящему. А вдруг Бэйрд Арчер вообще не существует?

– Но мы-то знаем, что он существовал достаточно для того, чтобы назначить свидание Джоан Уэллман на второе февраля.

– Нет. Мы знаем только, что она написала родителям про незнакомца, который представился по телефону Бэйрдом Арчером и рассказал про свою рукопись, направленную в издательство, прочитанную мисс Уэллман и возвращенную по почте Бэйрду Арчеру, до востребования. – Вулф покачал головой. – Нет, Арчи, быстрой победы здесь ожидать не приходится. Боюсь, пока мы доберемся до конца, мистер Уэллман и впрямь пойдет по миру, если, конечно, не откажется от помыслов о мести. Пусть полиция сделает все, что в ее силах.

Я слишком хорошо знал его, поэтому мне такое объяснение не понравилось.

– Опять вы будете сидеть и ждать? – упрекнул его я.

– Нет. Я только сказал: пусть полиция сделает все, что в ее силах. Это очень серьезная работа. Мы будем исходить из предположения, вполне оправданного на мой взгляд, что мисс Уэллман в письме родителям не погрешила против истины. Если так, тогда в этом письме есть еще кое-что полезное для нас помимо имени Бэйрда Арчера. Он спросил ее, читал ли еще кто-нибудь рукопись, и мисс Уэллман ответила, что нет. Возможно, вопрос был вполне невинный, но в свете случившегося он наводит на размышления. Погибла ли она из-за того, что прочитала рукопись? Это отнюдь не праздное предположение. Как думаешь, сколько в Нью-Йорке стенографисток? Или, например, на Манхэттене?

– Не знаю. Пятьсот. А может, пять тысяч.

– Только не тысяч. А людей, которые делают качественные копии документов или рукописей с черновиков?

– Так это же машинописные бюро, а не стенографистки.

– Очень хорошо. – Вулф отпил пива и уселся поудобнее. – Сначала я думал предложить это мистеру Кремеру, но коль скоро нам все равно предстоит потратить часть денег мистера Уэллмана, то можем начать и отсюда. Мне хотелось бы знать содержание романа. Бэйрд Арчер мог напечатать рукопись сам, а возможно, и нет. Сол, Фред и Орри возьмут на себя машинописные бюро. Собери их завтра в восемь утра, и я их проинструктирую. Так мы сумеем не только выяснить содержание романа, но и заполучить словесный портрет Бэйрда Арчера.

– Ясно! – Теперь все становилось на свои места. – Я бы тоже не прочь порамяться.

– Дойдет и до тебя. Есть надежда, хотя и небольшая, что Бэйрд Арчер пытался пристроить роман в другое издательство. Во всяком случае, попытаем счастья. Начнешь с более известных фирм, класса «Шолл энд Ханна». Только не с завтрашнего дня. Завтра выбери все, что только можно, из дел мисс Уэллман и Дайкса в полиции. Например, была ли пишущая машинка в квартире Дайкса?

Я поднял бровь:

– Вы считаете, что Дайкс был Бэйрдом Арчером?

– Не знаю. Он составил список этих имен, причем, безусловно, вымышленных. Второго февраля он, конечно, не мог быть Бэйрдом Арчером, поскольку был убит за пять недель до этого. Загляни и в «Шолл энд Ханна». Несмотря на сведения, которые сообщила мисс Уэллман в письме родителям, я допускаю, что кто-то еще мог прочитать рукопись или хотя бы видел ее. Или мисс Уэллман могла поделиться своими впечатлениями о ней с кем-то из коллег. Или, наконец, что маловероятно, Бэйрд Арчер мог принести рукопись в издательство собственноручно, и тогда кто-нибудь его припомнит... хотя, конечно, с осени уже много воды утекло... – Вулф тяжело вздохнул и потянулся за стаканом. – Пожалуй, тебе следует продлить срок – к завтрашнему рассвету нам не успеть.

– Бога ради, – великодушно согласился я. – Продлеваю до пятницы.

Хорошо еще, что я не сказал, до какой пятницы.

Глава 4

Во вторник с утра я натравливал Сола, Фреда и Орри на машинописные бюро, просматривал утреннюю почту и депонировал в банке чек Уэллмана, а потому добрался до офиса Кремера на Двадцатой улице уже в одиннадцатом часу. Самого Кремера на месте не оказалось, но он проинструктировал на мой счет сержанта Пэрли Стеббинса. Я один из немногих знакомых Пэрли, о которых у него не сложилось четкого мнения. Поскольку я частный детектив, то чем быстрее я отброшу копыта или хотя бы перестану мозолить порядочным людям глаза, тем, естественно, лучше – это главное, но где-то в глубине души Пэрли точит червь сомнения: а вдруг я стал бы неплохим полицейским, если бы меня вовремя наставили на путь истинный?

Мне удалось не только ознакомиться с делами, но и переговорить с полицейскими, занимавшимися ими: с двумя по делу Дайкса и с одним из Бронкса по делу Джоан Уэллман. Ушел я почти в три, унося много ценной информации в блокноте и еще больше – в голове.

Вот вкратце, что я разузнал. Леонард Дайкс, сорока одного года, тело которого, зацепившееся за сваю, выловили из Ист-Ривер в первый день нового года, в течение восьми лет работал доверенным делопроизводителем, а не адвокатом в юридической конторе «Корриган, Фелпс, Кастин и Бриггс». Еще около года назад контора именовалась «О’Мэлли, Корриган и Фелпс», но О’Мэлли лишили практики, произошла реорганизация. Дайкс был холост, отличался здравым умом, преданностью и хорошо разбирался в делах. Каждый вторник вечером играл по мелочи в карты с друзьями. Имел двенадцать тысяч долларов в ценных бумагах, банковский счет, а также тридцать акций «Юнайтед стейтс стил», которые отошли по наследству его замужней сестре, живущей в Калифорнии, единственной близкой родственнице. Врагов и завистников не было. «Знакомств женского пола не имел» – гласила фраза в одном из донесений. К делу были приложены один снимок, малопривлекательный, сделанный, когда труп выловили из реки, и фотография живого Дайкса в его квартире. Объективности ради замечу: до того как утонуть, Дайкс выглядел симпатичнее. Немного, правда, пучеглазый, да и скошенный подбородок не слишком его красил.

В деле набралась бы еще добрая тысяча фактов, имевших к убийству такое же отношение, как и те, что я привел в качестве образца.

Что касается Джоан Уэллман, то в уголовном отделе полиции Бронкса версия о случайном наезде пользовалась отнюдь не такой популярностью, как считал Уэллман, к счастью не имевший доступа к делу об убийстве дочери. Не доверяли полицейские и версии о свидании в пятницу, изложенной в письме Джоан родителям, тем более что среди сотрудников Джоан не нашлось никого, кто бы об этом слышал. Последнее я поставил бы полиции в упрек, зная, как кишат мелкими сплетниками подобные конторы, и, наоборот, готов отдать должное дочери нашего клиента: она умела держать язык за зубами и о личных делах не распространялась. Оставив тщетные попытки разыскать машину, которая переехала мисс Уэллман, полиция Бронкса сосредоточила все усилия на поклонниках девушки. Если хотите занять среднего полицейского сыщика любимым делом, усадите его с женщиной, которого встречали с хорошенькой девушкой, только что злодейски убитой. Теперь представьте себе, какие вопросы он станет задавать. Как он будет смаковать интимные подробности и вторгаться в личную жизнь незадачливого воздыхателя, кем бы тот ни был, ничуть не рискуя нарваться на отпор.

Полиция Бронкса буквально вывернула ухажеров Джоан Уэллман наизнанку. Особенно досталось некоему сочинителю рекламы Атчисону, скорее всего, потому, что его фамилия начиналась на «А», а в середине имелось «Ч», как и у Арчера, что, видимо, углядел чей-то зоркий глаз. К счастью для Атчисона, в пятницу днем, второго февраля, он сел в шестнадцать тридцать на поезд, чтобы провести уик-энд с друзьями в Уэстпорте. Двое агентов трудились как каторжные, стараясь развенчать его алиби, но тщетно.

Судя по полицейским протоколам, Джоан отличалась не только миловидной внешностью и умом, но и воистину викторианской добродетелью. В этом все трое допрошенных поклонников были единодушны. Они и восхищались девушкой, и уважали ее. Один из них целый год домогался ее руки и льстил себя некоторой надеждой. Если кто-либо из троицы и носил против Джоан камень за пазухой, то полиция Бронкса подтверждений тому не нашла.

Я вернулся домой, напечатал для Вулфа подробный отчет и принял по телефону донесения от Сола, Фреда и Орри.

Большую часть среды я провел в издательстве «Шолл энд Ханна» на Сорок пятой улице. В результате я вынес впечатление, что издательский бизнес – замечательный способ зашибать бабки. Само издательство размещалось на двух этажах, утопавших в коврах и обставленных роскошной мебелью. Как мне объяснили, Шолл отбыл во Флориду, а Ханна не приходит раньше половины одиннадцатого. Из приемной меня проводили в кабинет одного из мелких начальников, срочно нуждавшегося в стрижке и жевавшего резинку. Когда я предъявил записку от нашего клиента, начальник проблеял, что они с радостью пойдут навстречу повергнутому в горе отцу покойной мисс Уэллман и я могу задавать вопросы всему персоналу, начиная с него самого, если захочу. Только не смогу ли я сначала рассказать, есть ли хоть какие-то сдвиги в расследовании? Не далее как вчера сюда снова нагрянули детективы из городской полиции и провели здесь чуть ли не целый день, а тут вот Арчи Гудвин от самого Ниро Вулфа пожаловал. Наклеывается что-нибудь важное? Я соврал что-то безобидное и взялся за него.

То обстоятельство, что Вулф никогда не покидает дом по делам, если только побудительный мотив важнее перспективы получения гонорара, как, например, спасение собственной шкуры, во многом определяет мой стиль работы. Если я иду по следу и мне удастся раздобыть ценные сведения, то я люблю их как следует обмозговать, прежде чем передоверить Вулфу, но, выйдя из «Шолл энд Ханна», я ощущал себя как слепой котенок в потемках. Можно ли поверить, что я провел почти пять часов в издательстве, где работала Джоан Уэллман, опросив всех – от посыльного до самой Ханны, – и не выведал ни одного мало-мальски значимого факта? К сожалению, все выглядело именно так. Лишь одна запись в толстой конторской книге, которую мне показали, имела отношение к интересующему меня делу. Привожу ее полностью.

НОМЕР: 16237

ДАТА: 2 окт.

ИМЯ И АДРЕС: Бэйрд Арчер, Нью-Йорк, почтовое отделение Клинтон-Стейшн, до востребования

НАЗВАНИЕ: «Не надейтесь...»

ЖАНР: Роман, 246 стр.

ПОЧТОВЫЕ РАСХОДЫ: 63 цента, расписка прилагается

ПРОЧИТАЛ(А): Джоан Уэллман

РЕШЕНИЕ: Отклонить. Отпр. почтой 25 окт.

Вот и вся моя добыча. Рукопись доставили по почте. Никто не слышал о Бэйрде Арчере. Никто больше не видел рукопись и ничего про нее не знает. Если Джоан и говорила кому-то про рукопись, то никто об этом не помнит. Она никому не рассказывала ни о телефонном звонке Бэйрда Арчера, ни о предстоящем свидании. Подобные «никто не...» я могу перечислять еще хоть целую страницу.

Вечером я доложил Вулфу следующее:

– Похоже, дело в шляпе. Двести сорок шесть страниц напечатанного текста весят куда больше, чем двадцать одна унция. Или он печатал на обеих сторонах, или использовал папи-

росную бумагу, или же поскупился на почтовые марки для пересылки. Нам остается только выбрать одно из трех, и он в наших руках.

– Шут гороховый! – прорычал Вулф.

– Можете предложить что-нибудь получше? Из того мусора, который я раскопал?

– Нет.

– Но хоть что-то я раздобыл?

– Нет.

– Ладно. Тогда мои два дня – ноль. Два дня беготни наших парней по машинисткам – опять ноль. Считая по две сотни на круг за день, четыреста долларов из машины Уэллмана уже вылетели в трубу. Сыскному агентству или полиции это сошло бы с рук – таков их стиль, но на вас это не похоже. Ставлю на карту недельный заработок, что за последние сорок восемь часов вы даже не пытались пораскинуть мозгами!

– О чем? – осведомился Вулф. – Я не могу фехтовать с тенью. Дай мне хоть какую-нибудь зацепку: жест, запах, слово, звук, на худой конец. Любую мелочь.

Я согласился, хотя ни за что не признался бы ему, что он прав. Да, верно, целая армия специально натасканных ищек Кремера рыскала в поисках Бэйрда Арчера, но это ничего не значит. Никто даже понятия не имел, как он выглядит. Они не встретили никого, кто бы когда-либо знал или просто встречал человека под таким именем. Кроме имени, никаких доказательств, что Бэйрд Арчер – реальное лицо, а не фантом, не существовало. То же самое, если бы, допустим, придумали человека под именем Фритэм Чоад, а потом пустились на его розыски. Ну посмотрите вы в телефонный справочник, а потом что?

Остаток недели я провел за сбором весьма любопытных сведений о вкусах и убранстве офисов различных издательств. Я выяснил, что «Саймон энд Шустер» в Рокфеллеровском центре сходят с ума по модерну и скупают все подряд, невзирая на цену; что «Харпер энд бразерс» обожают старую мебель и не жалуют пепельницы; что «Викинг пресс» при приеме на работу женщин отдает предпочтение внешности и изяществу форм; что помещения «Макмиллан компани» обставлены мягкими диванами, как пульмановские вагоны, и так далее. Короче говоря, я охватил практически всю отрасль, но вознаградил себя за терпение, лишь договорившись поужинать с молоденькой сотрудницей «Скрибнерс», которая, как подсказывало мне чутье, могла знать кое-что стоящее. Что же касается Бэйрда Арчера, то о нем никто и слыхом не слыхивал. Если он и передавал свою рукопись в другое издательство, то никаких следов не сохранилось.

За уик-энд я раза два пообщался с Пэрли Стеббинсом. Если мы сели на мель, то и полиции похвастать было нечем. Правда, они откопали одного Бэйрда Арчера в глухой глубинке штата Виргиния, но ему было за восемьдесят, и о том, что изобретен алфавит, он знал лишь понаслышке. Кремера обуревала надежда отыскать связь между Леонардом Дайксом и Джоан Уэллман, и трое его лучших людей трудились над заданием шефа не покладая рук. Когда я воскресным вечером доложил обо всем этом Вулфу, он фыркнул:

– Ослы! Я ведь принес им эту связь на блюдечке и разжевал.

– Да, сэр, – посочувствовал я. – Это вас и изнурило.

– Я вовсе не изнурен. Я даже не устал.

– Значит, я солгал нашему клиенту. Когда он сегодня позвонил нам снова, я сказал, что вы совершенно изнемогли, ломая голову над его делом. У меня не было выхода. Он уже теряет терпение. Чем вам не угодило пиво? Слишком холодное?

– Нет. Я думаю о тебе. Большинство машинописных работ выполняют женщины, так ведь?

– Не большинство. А все.

– Тогда с завтрашнего дня начнешь заниматься машинистками. Возможно, тебе повезет больше, чем Солу, Фреду и Орри, хотя и они будут заниматься тем же поиском. Прежде чем

браться за что-то другое, мы закончим с этим. Среди машинисток наверняка найдутся молодые и привлекательные. Не переусердствуй.

– Слушаюсь! – Я одарил его восхищенным взглядом. – Ваши вспышки озарения вгоняют меня в священный трепет. Гениальная идея!

– А что я могу сделать, черт побери?! – взорвался Вулф. – Достань хоть что-нибудь! Достанешь?

– Безусловно, – заверил я. – Допивайте пиво.

Вот так случилось, что на следующий день, в понедельник, покончив со своими утренними обязанностями, я отправился обследовать доставшийся мне сектор города в соответствии с планом, который мы разработали вместе с Солом. Наша славная тройка уже поработала на Манхэттене до Четырнадцатой улицы, в районе вокзала Гранд-Сентрал и в Вест-Сайде – от Четырнадцатой до Сорок второй улицы. Сегодня Фреду достался Бруклин, Орри выпал Бронкс, Сол выбрал Ист-Сайд, а я занялся Вест-Сайдом, начиная с Сорок второй улицы.

В половине одиннадцатого я вошел в дверь с табличкой «Стенографическая служба Бродвея» и сразу попал в преисподнюю. В комнату, достаточно просторную, чтобы вместить пять столов и столько же машинисток, набили их с добрый десяток, и два десятка рук порхали над клавишами со скоростью, раза в два превышающей мою. Пытаясь перекрыть барабанную дробь, я крикнул ближайшей дамочке, на бюсте которой без труда разместилась бы книжная полка:

– У такой женщины, как вы, должен быть отдельный кабинет!

– У меня есть, – надменно откликнулась она и провела меня в крохотную клетушку за перегородкой. Поскольку перегородка была высотой всего футов шесть, грохот все равно стоял одуряющий. Минуты две спустя хозяйка клетушки объяснила: – Мы не даем информации о наших клиентах. У нас строго конфиденциальные услуги.

– У нас тоже! – крикнул я, протягивая ей визитную карточку. – Все очень просто. Наш клиент – вполне уважаемое издательство. Им передали рукопись романа, от которого они пришли в восторг и собираются его опубликовать, но вот незадача: страничка с фамилией и адресом автора куда-то запропастилась и ее не могут найти. Имя автора они запомнили – Бэйрд Арчер, но вот адреса нет, и с автором нельзя связаться. Ничего, казалось бы, страшного, не гори они так желанием опубликовать роман. В телефонной книге Бэйрда Арчера нет. Рукопись пришла по почте. Издательство помещало объявления, но безрезультатно. Я хочу знать только, не перепечатывали ли у вас рукопись романа Бэйрда Арчера, возможно, в сентябре прошлого года? Или около этого? Роман называется «Не надейтесь...».

Лед еще не растаял.

– В сентябре прошлого года? Что-то долго они ждали...

– Они пытались разыскать его.

– Если печатали у нас, страничка не могла потеряться. Мы подшиваем все материалы в скоросшиватели.

Об этом ребята меня предупреждали. Я уверенно кивнул:

– Да, конечно, только редакторы не любят возиться со скоросшивателями. Они их снимают. Если вы перепечатывали эту рукопись, будьте уверены, автор очень хотел бы, чтобы вы помогли его разыскать. Дайте человеку шанс.

– Ну ладно, – скрепя сердце согласилась она. – Попробую поискать, только сперва кое-что выясню.

Она вышла.

Я прождал ее двадцать минут и еще десять, пока она рылась в картотеке. Ответ был «нет». Бэйрда Арчера они не обслуживали. Я поднялся на лифте на восемнадцатый этаж, в офис «Машинописная служба Рафаэля».

Эти два визита отняли у меня почти час, а с такой скоростью, согласитесь, трудно рассчитывать на успех. Где я только не побывал – от подлинных гигантов, разместившихся в Парамант-билдинг под вывеской «Метрополитен стенограферы, инкорпорейтед», до каморки с кухонькой и ванной в конце Сороковых улиц, где ютились две девушки, работавшие на дому. На ланч я отправился в итальянский ресторан «Сарди», где с удовольствием съел каннеллони за счет Джона Р. Уэллмана, а затем возобновил поиски.

Погода стояла довольно теплая для февраля, только никак не могла сделать выбор между пасмурной хмуростью и устойчивой изморосью, а потому часа в три дня, когда я сумел без потерь пробиться к нужному зданию сквозь оживленные бродвейские толпы в районе Пятидесятых улиц, я пожалел, что не надел плащ вместо коричневого пальто. С этим визитом я рассчитывал покончить в два счета, поскольку в списке адресов значилось только имя женщины Рейчел Абрамс. Дом был довольно старый и невзрачный, слева от входа размещался магазинчик женского платья «Кэролайн», а справа – кафетерий «Мидтаун итери». Войдя в вестибюль, я снял и хорошенько стряхнул пальто, затем, ознакомившись с указателем, поднялся на лифте на седьмой этаж. Лифтер подсказал, чтобы я шел в комнату 728 налево по коридору.

Прошагав немного налево, я свернул направо, сделал несколько шагов, еще раз повернул направо и вскоре очутился перед комнатой 728. Дверь была нараспашку, и я поднял голову, желая удостовериться, что на двери и впрямь номер 728, а заодно и прочитал:

РЕЙЧЕЛ АБРАМС

Стенография и машинопись

Я оказался в комнате размером футов десять на двенадцать, не больше, с рабочим столом, маленьким столиком, двумя стульями, вешалкой для одежды и старым зеленым металлическим шкафчиком для картотеки. На вешалке я заметил женское пальто, шляпку и зонтик, а на столе, позади пишущей машинки, стояла ваза с желтыми нарциссами. На полу валялись разбросанные листы бумаги. Виной, по-видимому, был сильный сквозняк из-за поднятого доверху окна.

Кроме сквозняка, с улицы через окно доносились голоса, а точнее, крики. В три шага я достиг окна, перегнулся через подоконник и свесился вниз. Прохожие останавливались под морозящим дождем, вытягивали шеи и пытались что-то разглядеть. Трое мужчин с разных сторон перебежали улицу, спеша к толпе, собравшейся перед самым домом на тротуаре. Посреди толпы двое других мужчин склонились над распростертым на асфальте телом женщины, юбка которой высоко задралась, а голова неестественно вывернулась в сторону. У меня превосходное зрение, но с высоты семи этажей, да еще под мелким дождем, картина получалась довольно размытая. Большая часть зрителей разглядывала женщину, но некоторые задирали головы и смотрели прямо на меня. Футах в ста слева к толпе трусой приближался полицейский.

Я утверждаю: мне понадобилось не больше трех секунд, чтобы осознать, что случилось. Утверждаю я это не из хвастовства, благо доказать ничего не в состоянии, а чтобы отчитаться за свои действия. Назовите это предчувствием, интуицией или чутьем – как хотите, но ничего подобного со мной прежде не случалось. Вулф велел мне достать для него хоть что-нибудь, а я ухитрился опоздать на какие-то три минуты, а быть может, и на две. Будучи совершенно в этом уверен, дальше я действовал чисто машинально. Отпрянув от окна и выпрямившись, я метнул быстрый взгляд на стол, а потом на шкафчик. Со стола я начал только потому, что он стоял ближе.

Пожалуй, ни один обыск в истории не приносил столь быстрых результатов. С первого же взгляда я убедился, что средний ящик почти пуст. В верхнем – аккуратно разложены стопки писчей и копировальной бумаги, а также конверты. Нижний ящик был перегороден на три отделения с массой всякой всячины, и в среднем отделении в глаза мне тут же бросилась коричневая записная книжка в обложке из искусственной кожи. На первой страничке сверху было написано слово «Приход», под которым шла первая запись, датированная 7 августа 1944 года. Я перелистал странички до начала прошлого года, остановился на июле и стал просматривать записи, пока не наткнулся на: «12 сент., Бэйрд Арчер, 60 долларов, аванс». А шестью строчками ниже: «23 сент., Бэйрд Арчер, 38,4 долл., остаток».

– Черт бы меня побрал! – с чувством выругался я и, сунув книжку в карман, двинулся к двери.

Я еще тешил себя надеждой: вдруг Рейчел Абрамс жива и успеет хоть что-нибудь рассказать. Когда я завернул второй раз за угол, открылась дверь лифта и из него вышел полицейский. Я был настолько поглощен своими мыслями, что даже не удостоил его взглядом, а это было ошибкой, так как блюстители порядка не выносят, когда на них не смотрят, особенно на месте происшествия. Полицейский остановился прямо передо мной и резко спросил:

– Вы кто такой?

– Губернатор Дьюи, – ответил я. – Как я вам нравлюсь без усов?

– А-а, остряк... А какое-нибудь удостоверение личности у вас есть?

Я вскинул брови:

– Как это я не заметил, что очутился за «железным занавесом»?

– Мне некогда с вами препираться. Как вас зовут?

– Знаете, уважаемый, – покачал я головой, – мне это уже надоедает. Доставьте меня в ближайший Кремль, и я скажу вашему сержанту. – Я шагнул в сторону и вызвал лифт.

– Чокнутый какой-то, – сплюнул он и загромыхал по коридору.

Пришел лифт, и я вошел в кабину. Лифтер объяснял пассажирам, из-за чего поднялся такой сыр-бор. В вестибюле было безлюдно. Снаружи, на тротуаре, несмотря на изморось, толпа совсем сгустилась, и мне, чтобы пробиться в первый ряд, пришлось напустить на себя важность. Возле тела дежурил полицейский, пытающийся сдерживать напивавших зевак. Я уже заготовил предложение, которое обеспечило бы мне беспрепятственный доступ, но, когда пробился поближе и увидел все своими глазами, понял: могу приберечь его на другой раз. При падении ей сильно досталось, и при взгляде на сломанную шею мои надежды, что в жертве еще теплится жизнь, улетучились, как дым. Я даже не стал уточнять ее имя, поскольку оно было у всех на устах – Рейчел Абрамс. Я протиснулся сквозь толпу назад, дошел до перекрестка, оставил такси, забрался в него и сказал водителю номер дома на Западной Тридцать пятой улице.

Когда я поднялся на крыльцо и открыл ключом дверь, часы показывали пять минут пятого, стало быть Вулф уже возится наверху с орхидеями. Повесив пальто и шляпу в прихожей, я преодолел три этажа и проник в оранжерею. Добрых тысячи раз я любовался этим пышным великолепием, и всегда у меня при виде их дух захватывало, сегодня же я не замечал ни буйно распустившихся фаленописов, ни радужно-крикливых каттлей.

Вулфа я нашел в помещении для пересадок, где он вместе с Теодором пересаживал молодые растения *Dendrobium chrysotoxum* в горшочки большего размера.

– Неужели это не терпит отлагательства? – сердито буркнул Вулф при моем приближении.

– Полагаю, что нет, – сварливо ответил я. – Она мертва. От вас мне нужно только разрешение позвонить Кремеру. Звонить придется в любом случае, поскольку меня видел не только лифтер, доставивший на ее этаж, но и полицейский. К тому же я оставил отпечатки пальцев на ее письменном столе.

– Кто мертва?

– Та женщина, которая печатала рукопись Бэйрда Арчера.

– Когда и как?

– Только что. Она погибла в тот миг, когда я поднимался на лифте в ее офис на седьмом этаже. Она спускалась быстрее, чем я поднимался, причем из окна. Смерть наступила от удара о тротуар.

– Откуда ты знаешь, что она печатала рукопись?

– Вот что я нашел в ящике ее стола. – Я вынул из кармана коричневую книжку и показал Вулфу те самые записи; руки Вулфа были перепачканы землей, и мне пришлось держать книжку у него перед глазами. – Подробности рассказать сразу?

– Да, черт побери!

Пока я излагал все, не упуская ни единой мелочи, Вулф неподвижно стоял, касаясь кончиками грязных пальцев скамьи с горшочками и повернув ко мне голову с плотно сжатыми губами и наморщенным лбом. Его желтый рабочий халат площадью добрых пол-акра по оттенку удивительно напоминал нарциссы на столе Рейчел Абрамс.

Закончив рассказ, я мрачно спросил:

– Мои комментарии выслушаете? – (Он утвердительно хмыкнул.) – Возможно, мне следовало там задержаться, но толку бы от этого не было – я был слишком взбешен, чтобы рассуждать. Приди я на каких-то три минуты раньше, то застал бы ее в живых. Или, если ее выкинули из окна, я мог застичнуть преступника врасплох. Вы же сказали, чтобы я хоть что-нибудь достал, вот я и приволок бы вам негодяя. Везучий же мерзавец! Должно быть, мы разминулись секунд на тридцать. А когда я выглянул из окна, он, наверное, вышел на улицу и зашагал прочь, не страдая болезненным любопытством.

Вулф приоткрыл и снова закрыл глаза.

– Если вы сомневаетесь, что ее выбросили, – раскипятился я, – то ставлю десять против одного. Не могу поверить, что женщина, печатавшая ту самую рукопись, выбрала именно сегодняшний день, чтобы сигануть из окна или даже нечаянно вывалиться.

– Тем не менее это не исключается.

– Я категорически против. Это было бы верхом нелепости. Ну ладно, все-таки кое-что я для вас добыл. – Я похлопал по записной книжке.

– Увы, – угрюмо вздохнул Вулф, – твоя находка лишь подтверждает, что мисс Уэллман убили из-за того, что она прочитала рукопись, а мы и руководствовались именно такой гипотезой. Сомневаюсь, удовлетворилась бы мисс Абрамс тем, что ее смерть подтвердила нашу правоту. Большинство людей считают, что заслуживают лучшей участи. Мистеру Кремеру захочется получить эту книжку.

– Угу. Возможно, я зря прихватил ее, но вы так просили, а мне не терпелось добыть для вас хоть что-нибудь. Отвезти ее Кремеру или позвонить, чтобы он прислал за ней?

– Ни то ни другое. Оставь ее на скамейке. Я вымою руки и сам ему позвоню. Ты займешься другим. Я допускаю, что мисс Абрамс могла кому-то рассказать про содержание рукописи, которую перепечатывала. Покопай здесь. Найди ее родственников и друзей. Составь их список. Сол, Фред и Орри будут звонить в половине шестого. Ты позвонишь в пять двадцать пять и скажешь мне, где ты с ними встретишься и в каком часу. Поделите список между собой.

– Господи! – запротестовал я. – Это уж совсем белыми нитками шито. Потом вы захотите еще снять отпечатки с валика ее пишущей машинки.

Вулф пропустил мой выпад мимо ушей и решительно зашагал к раковине. Я спустился этажом ниже к себе в комнату за плащом. Внизу я забежал на кухню предупредить Фрица, чтобы к обеду меня не ждали.

Глава 5

На большее не приходилось и рассчитывать. Разыскав в телефонном справочнике Бронкса домашний адрес Рейчел Абрамс, подтвердив его правильность после телефонных переговоров с какой-то женщиной и успев проскочить в метро до часа пик, я мысленно поздравил себя с удачным и быстрым почином. Не прошло и шестидесяти минут с тех пор, как Вулф велел разыскать родственников и друзей мисс Абрамс, а я уже вошел в старый многоквартирный дом на Сто семьдесят восьмой улице, в квартале от Гранд-Конкорс.

И тут же выяснил, что чересчур поторопился. Женщина, открывшая мне дверь в квартире 4Е, не прятала глаза и спросила как ни в чем не бывало:

– Это вы звонили? Что-нибудь случилось с моей Рейчел?

– Вы – мать Рейчел? – спросил я.

– Уже довольно давно, – с улыбкой кивнула она. – Во всяком случае, это никем не оспаривалось. Что случилось?

К такому повороту я не подготовился. Я считал само собой разумеющимся, что какой-нибудь полицейский или журналист поставит мать в известность о случившемся до моего прихода, и был готов к слезам и причитаниям, но отнюдь не к тому, что мне выпадет участь сообщить матери страшную весть. Конечно, правильнее было бы сказать правду, но та величая гордость, с которой несчастная мать произнесла «моя Рейчел», расстроила мои планы и нарушила душевное равновесие. Не мог я и просто извиниться и слить, сказав, что ошибся номером, поскольку выполнял поручение, завалив которое только потому, что оно мне не нравилось, я расписался бы в профессиональной непригодности. В итоге я из кожи вон вылез, чтобы пошире улыбнуться, но, должен признать, язык у меня словно присох к гортани.

Она продолжала спокойно и дружелюбно смотреть на меня выразительными темными глазами.

– Наверное, надо бы впустить вас внутрь, – сказала она, – только скажите сначала, что вы хотите.

– Наверяд ли я отниму у вас много времени, – выдавил я. – По телефону я сказал вам, что меня зовут Арчи Гудвин. Я собираю материал для статьи о практикующих стенографистках. Ваша дочь обсуждает с вами свою работу?

Она слегка нахмурилась:

– Вы могли бы спросить ее сами. Разве вы не можете?

– Могу, конечно, если у вас имеется причина не говорить.

– С какой стати у меня была бы такая причина?

– Не знаю. Но вот, допустим, если бы она взялась печатать рассказ или статью по заказу какого-то мужчины, рассказала бы она вам о нем – о его внешности или манерах? Или о чем говорится в рассказе или статье?

– Разве это не противоречило бы каким-то правилам? – продолжала хмуриться она.

– Нет, конечно. Да дело и не в правилах, мне хотелось оживить материал, показать отношение к ее ремеслу родственников, друзей...

– Так статья будет посвящена Рейчел?

– Да. – Здесь я не солгал. Ни на йоту.

– И ее имя будет напечатано?

– Да.

– Моя дочь никогда не обсуждает свою работу ни со мной, ни с отцом, ни с сестрами, за исключением разве что финансовой стороны. Да и то лишь потому, что часть своего заработка она отдает мне – не для меня, а на семейные нужды, – одна из ее сестер учится в колледже.

Но она никогда не рассказывает ни о заказчиках, ни о самой работе. Если ее имя попадет в печать, люди должны знать правду.

– Вы совершенно правы, миссис Абрамс. Вы знаете...

– Вы упомянули родственников и друзей. Отец Рейчел придет домой без двадцати семь. Сестра ее, Дебора, здесь, сидит над домашним заданием, ей всего шестнадцать... мала для вас, верно? Другой сестры, Нэнси, сегодня не будет, она у подруги, но вернется завтра, в половине пятого. Теперь – друзья... Один молодой человек, Уильям Баттерфилд, хочет жениться на Рейчел, но он... – Она замолчала, и в ее глазах блеснул огонек. – Прошу извинить, но это уже слишком личное. Быть может, дать вам его адрес?

– Будьте любезны.

Она продиктовала номер дома на Семьдесят шестой улице.

– ...Еще она дружит с Хульдой Гринберг, которая живет под нами, на втором этаже, квартира 2С. Потом – Синтия Фри... Но это не настоящее ее имя. Вы, конечно, знаете Синтию.

– Нет, боюсь, не имею чести.

– Она выступает на сцене.

– Ах да, конечно же. Синтия Фри.

– Да. Она училась с Рейчел в средней школе, но потом ее бросила. Не стану говорить о ней дурного. Моя Рейчел такая верная, лучшего друга и не придумаешь. Вот я уже старею, и кто со мной останется? Мой муж, конечно, и Дебора с Нэнси, и друзья, но главное, я знаю: до самого моего конца подле меня будет Рейчел. Об этом вы должны написать. Я вам еще расскажу о ней, мистер Гудвин, только вы войдите и сядьте... Ой, телефон звонит... Простите, я сейчас.

Она повернулась и устремилась в комнату. Я не шелохнулся. Через несколько секунд до меня донесся ее голос:

– Алло... Да, миссис Абрамс у телефона... Да... Да, Рейчел – моя дочь... Что вы сказали?..

Я не сомневался, что делать дальше. Вопрос был только в том, оставить дверь распахнутой или прикрыть ее. Последнее казалось более разумным. Я тихонечко, стараясь не стучать, притворил дверь и спустился по лестнице.

Выйдя на улицу, я посмотрел на свои часы – 17:24. Я подошел к перекрестку, оглянулся, заметил в конце квартала аптеку, поспешил к ней, отыскал телефонную кабинку и набрал номер. Трубку снял Фриц и соединил меня с оранжереей.

Когда Вулф подошел, я сказал ему:

– Мне удалось поговорить с матерью Рейчел. Она сказала, что ее дочь никогда не рассказывает дома о своей работе. Мы беседовали в настоящем времени, поскольку она еще пребывала в неведении о случившемся. Ей хочется увидеть имя Рейчел в газетах, и она его увидит благодаря этому мерзавцу, с которым я разминутся на три минуты. Я ничего ей не сказал, так как только бы потерял на этом время. Завтра, когда она осознает, что выяснение подробностей о работе ее дочери может помочь найти убийцу, она, возможно, что-нибудь припомнит, хотя вряд ли. Имена нескольких друзей я узнал, но живут они в разных местах. Попросите ребят позвонить мне по этому номеру. – Я продиктовал номер телефона.

– Мистер Кремер настаивает на встрече с тобой. Я рассказал ему все, и он послал за книжечкой, но желает видеть тебя лично. Судя по голосу, он разозлился. Пожалуй, тебе стоит заехать к нему. Все же мы действуем сообща.

– Угу. И давно? Ладно-ладно, поеду. Не усердствуйте.

Я подождал в кабинке, чтобы никто не занял ее. По мере поступления звонков я перепоручил Уильяма Баттерфилда Солу, Хульду Гринберг – Фреду и Синтию Фри – Орри, добавив, что желательно разузнать имена других друзей и знакомых мисс Абрамс и пусть занимаются ими сами. Покончив с наставлениями, я прогулялся пешком до метро.

В убийном отделе на Западной Двадцатой улице я испытал на собственной шкуре, насколько разозлился Кремер. Я давно уже сбился со счета, пытаюсь определить, сколько раз меня вызывали туда за последние годы. Когда у нас с Вулфом есть что-то или Кремер думает, что есть, и хотел бы наложить на это лапу, меня тут же проводят в его кабинет. Если дело пустяковое, мной занимается сержант Пэрли Стеббинс или кто-нибудь из их шайки. Если же требуется задать нахлобучку, меня бросают на растерзание лейтенанту Роуклиффу. Когда мне придется выбирать между раем и адом, я не стану ломать голову, а просто спрошу: «А где Роуклифф?» Одно время мы с ним были квиты – он надоед мне ничуть не меньше, чем я ему, – пока в один прекрасный день меня не осенило: надо начать заикаться! Дело в том, что, когда Роуклифф горячится и выходит из себя, он начинает заикаться. Вот я и решил сперва раздражить его, а потом разок заикнуться и посмотреть, что получится. Результат превзошел все ожидания. Роуклифф ужасно взбесился, стал мычать и запинаться на каждом слове, после чего я с полным основанием подал жалобу, что он меня передразнивает. С тех пор козыри заимел я, и Роуклифф это знает.

Мы с Роуклиффом мозолили друг другу глаза уже битый час – чистейший фарс, ведь Вулф выложил им все без утайки, и добавить мне было нечего. Роуклифф упорствовал, что я преступил закон, обыскав стол и прикарманив записную книжку (сухая правда), и настаивал, что я наверняка нашел еще что-то и утаиваю это от полиции. Так мы сидели и толкли воду в ступе, пока наконец мне не дали подписать свои отпечатанные показания. Я подписал, Роуклифф прочитал и стал приставать с новыми вопросами. Я долго терпел, но потом мне наскучило.

– Послушайте, – сказал я, – вы же сами знаете, что несете полную галиматью. Чего вы добиваетесь? Пытаетесь с-с-с-сломить мой дух?

Роуклифф стиснул зубы, но он должен был как-то ответить.

– Я бы с удовольствием с-с-с-сломал тебе шею, – заявил он. – Убирайся отсюда к чертовой матери!

Я убрался, но не туда. Я твердо намеревался перекинуться парой слов с Кремером. Спустившись в вестибюль, я повернул налево, дошел до конца коридора и толкнул дверь, не постукав. Кремера не было, лишь Пэрли Стеббинс пыхтел над столом, заваленным бумагами.

– Заблудился? – поинтересовался он.

– Нет. Пришел сдаваться. Я только что 3-3-3-зажарил и слопал Роуклиффа. Вдобавок мне кажется, кто-то здесь забыл меня поблагодарить. Если бы не я, ребята с участка почти наверняка посчитали бы это самоубийством или несчастным случаем, и никто не просмотрел бы записную книжку и не обнаружил бы этих записей.

– Верно, ты нашел книжку, – кивнул Пэрли.

– Я о том и толкую.

– И отнес ее домой Вулфу.

– А затем без промедления предоставил вам.

– Да, ты прав. Спасибо большое. Устраивает?

– Да. Только ответь на один вопрос, чтобы не дожидаться утренних газет. Как названо в заголовках падение Рейчел Абрамс из окна?

– Убийство.

– Нагадали на кофейной гуще?

– Нет. Нашли следы пальцев на шее. Врач полагает, что ее душили. Стало ли это причиной смерти, покажет вскрытие.

– И я не поспел на каких-то три минуты...

– Ну да? – притворно изумился Пэрли.

Я изрыгнул сочное словцо, потом добавил:

– Хватит вам и одного Роуклиффа в отделе. – И отправился восвояси; в приемной я зашел в телефонную кабинку, набрал номер, услышал голос Вулфа и доложил: – Извините, что нарушаю обед, но мне нужны указания. Я в убойном отделе на Двдцатой улице, без наручников, провел час с Роуклиффом и пошушукался с Пэрли. Исходя из пятен на шее, официальная версия гласит, что ее задушили и выбросили из окна. Как я вам и говорил. Три имени, которые назвала миссис Абрамс, я распределил по нашим ребятам, велел им узнавать еще и действовать по своему усмотрению. Сегодня вечером или завтра нужно еще разок навестить Абрамсов, только не мне. Сол, пожалуй, сумеет вызвать миссис Абрамс на откровенность. А я жду указаний.

– Ты обедал?

– Нет.

– Возвращайся домой.

Я дошел до Десятой авеню и поймал такси. Дождь моросил не переставая.

Глава 6

Вулф не любит встречаться и обсуждать дела с клиентами. Несть числа, сколько раз он твердил мне, чтобы я не впускал к нему клиентов. Поэтому когда вечером по указанию Вулфа я позвонил Уэллману в отель и пригласил его прийти завтра в одиннадцать утра, то понял, что Вулф разделяет мою тревогу по поводу этого дела.

Восемь дней минуло с тех пор, как мы познакомились с нашим клиентом, хотя названивал он с завидным упорством то из отеля, то из Пеории. Судя по всему, восемь дней не пошли ему на пользу. Он был в том же самом сером костюме или в точной его копии, но галстук и рубашку все же сменил. Лицо приобрело землистый цвет. Вешая его пальто, я заметил, что он, кажется, похудел. Уэллман промолчал, и я подумал даже, не оглох ли он, однако потом, войдя в кабинет, обменявшись с Вулфом приветствиями и опустившись в красное кожаное кресло, он извинился:

– Прошу прощения, вы что-то сказали о моем весе?

– Да, мне показалось, вы похудели.

– Наверное, вы правы. У меня пропал аппетит, да и сон разладился. Я возвращаюсь домой, иду в офис или на склад, и все из рук валится; сажусь на поезд, качу сюда, но и здесь не слаще. – Уэллман обратился к Вулфу: – Ваш помощник сказал по телефону, что новостей у вас нет, но вы хотите поговорить со мной.

– Не хочу, но вынужден, – кивнул Вулф. – Позвольте задать вам вопрос. За восемь дней я потратил... сколько, Арчи?

– Около тысячи восьмисот.

– Почти две тысячи долларов из ваших средств. Вы заявили, что согласны на все, даже если я пущу вас по миру. Вы не должны соблюдать обязательства, принятые под давлением. Я люблю принимать от клиентов чеки, но лишь при условии, что не буду потом терзаться угрызениями совести. Как вы себя сейчас чувствуете?

Уэллман заметно смешался. Он сглотнул, потом ответил:

– Я же сказал, что у меня пропал аппетит.

– Я слышал. Вы должны есть. Человек должен есть. – Вулф показал как. – Пожалуй, стоит обрисовать вам положение. Как вам известно, я считаю доказанным, что вашу дочь убил мужчина, который, назвавшись Бэйрдом Арчером, позвонил ей и назначил свидание. Убил из-за того, что она прочитала рукопись, о которой упоминала в письме. Полиция согласна с моими выводами.

– Я знаю. – Уэллман пытался сосредоточиться. – Это уже немало. И ведь нашли все вы.

– Я нашел еще кое-что. Большую часть ваших денег мы потратили на то, чтобы попытаться разыскать кого-нибудь, кто мог бы рассказать нам про рукопись, или про Бэйрда Арчера, или про то и про другое. Мы уже держали удачу за хвост, но в самый последний миг упустили. Вчера днем убили молодую женщину по имени Рейчел Абрамс, столкнув ее с седьмого этажа. Мистер Гудвин опоздал на три минуты. А вот сведения, которыми располагает полиция, но которые не предназначены для печати. В письменном столе убитой мистер Гудвин обнаружил записную книжку, в которой было записано, что в сентябре прошлого года Бэйрд Арчер уплатил мисс Абрамс девяносто восемь долларов сорок центов за перепечатку рукописи. Это окончательно доказывает, что вашу дочь убили из-за того, что она прочла рукопись, но это лишь подтвердило мое предположение и поэтому не столь для нас важно. Мы...

– Это доказывает, что убийца – Бэйрд Арчер! – Уэллман разволновался. – Значит, он все еще в Нью-Йорке? Полиция должна найти его! – Он вскочил с кресла. – Я еду в...

– Успокойтесь, мистер Уэллман. – Вулф предостерегающе поднял руку. – Это доказывает, что убийца вчера днем был в том здании, и больше ничего. Для нас Бэйрд Арчер по-прежнему

только некое имя, фантом, если хотите. Не успев на какой-то миг спасти Рейчел Абрамс, мы до сих пор не нашли живого свидетеля, который мог бы подтвердить, что он реально существует. Что же касается розысков по вчерашнему следу, то это дело полиции, с которым они справляются вполне умело. Можете быть уверены: всех, кто работает и живет в этом здании, а также прохожих, очевидцев происшествия сейчас тормозят как следует. Присядьте, сэр.

– Я еду туда. В тот дом.

– После того, как я закончу. Сядьте, прошу вас.

Уэллман хотел примоститься на самый краешек кресла и едва не полетел на пол. Обретя равновесие, он сел поглубже.

– Я хочу, чтобы вы поняли, – начал Вулф, – рассчитывать на успех почти не приходится. Трое из моих людей расспрашивали родных и друзей мисс Абрамс, пытаюсь узнать, не рассказывала ли она кому-нибудь о Бэйрде Арчере или о рукописи, но безуспешно. Мистер Гудвин поговорил со всеми сотрудниками издательства «Шолл энд Ханна», которые могли быть в курсе дела, и побывал также в других издательствах. Полиция, возможности которой несравнимы с моими, целую неделю разыскивала следы Бэйрда Арчера или рукописи. Если и вначале перспективы не казались мне радужными, то теперь они почти безнадежны.

Уэллман поправил соскользнувшие с носа очки.

– Я ведь навел о вас справки, – растерянно пробормотал он. – Я думал, вы никогда не сдадитесь.

– Я не собираюсь сдаваться.

– Простите, пожалуйста. Но мне показалось...

– Я просто обрисовал вам положение. «Почти безнадежно» – не значит, что дело проиграно. Положение стало бы и впрямь отчаянным, не будь у нас одной зацепки. Имя Бэйрда Арчера впервые всплыло на листке бумаги, исписанном рукой Леонарда Дайкса. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы предположить: составляя список имен, безусловно вымышленных, Дайкс пытался выбрать псевдоним для романа, написанного им самим или кем-то еще. И уже факты, а не предположение: это имя Дайкс включил в составленный им список; человек под этим именем был клиентом мисс Абрамс; это имя стояло на титульном листе рукописи, прочитанной вашей дочерью, и, наконец, этим именем назвался мужчина, позвонивший ей и назначивший свидание. Я расписываю это столь детально, чтобы вам было все понятно.

– Спасибо, я понял.

– Очень хорошо, – вздохнул Вулф, которому эти объяснения были явно не по душе. – Я надеялся раскрыть тайну рукописи с помощью коллег вашей дочери или машинистки, печатавшей рукопись, но ничего не вышло. Я оплошал. Последняя нераспутанная ниточка, ведущая к Бэйрду Арчеру, связана с Леонардом Дайксом, который, по-видимому, придумал этот псевдоним. Конечно, все это вилами по воде писано, но тем не менее это наша последняя надежда.

– Так действуйте же!

– Именно поэтому я и хотел поговорить с вами, – кивнул Вулф. – Сегодня двадцать седьмое февраля. Тело Дайкса выловили из реки первого января. Дайкса убили. Полицию убийством не удивишь, да и юридическая контора, в которой работал Дайкс, постоянно имела дело с убийствами. Мистеру Гудвину разрешили ознакомиться с делом Дайкса. Полиция спрашивала сотрудников конторы про Бэйрда Арчера наряду с другими именами из списка Дайкса. Вне служебных обязанностей у Дайкса почти не было ни привязанностей, ни интересов. Восемь дней назад я доказал, что имя Бэйрда Арчера связывает убийство Дайкса с гибелью вашей дочери, поэтому полиция, естественно, снова взялась за юридическую контору и до сих пор ею занимается. Нет никаких сомнений, что сотрудников конторы опрашивали бесчисленное множество раз. Поэтому мне нет смысла продвигаться в том же направлении. Да меня и слушать никто не станет, тем более отвечать на вопросы.

– То есть вы отказываетесь... – напряженно вслушивался Уэллман.

– Нет. Я только хочу сказать, что действовать нужно окольными путями. В юридических конторах работают молодые женщины. Быть может, где-то и отыщется ровня мистеру Гудвину по части налаживания интимных отношений с молодыми женщинами, но я в этом сомневаюсь. Можем испробовать такой подход. Впрочем, это путь дорогой, длительный и не обязательно ведущий к успеху – для вас и для меня. Будь там только одна женщина, которая обладала бы интересующими нас сведениями, дело было бы в шляпе, но вдруг их там десяток, а то и больше? Трудно прикинуть, в какую сумму это обойдется, сколько займет времени и принесет ли удачу. Поэтому я вынужден спросить вас: согласны ли вы продолжать или хотите выйти из игры?

Уэллман отреагировал как-то странно. Он не сводил глаз с Вулфа, чтобы ничего не упустить, а теперь переключился на меня, и взгляд у него был какой-то странный. Не то что он меня изучал, но можно было подумать, будто у меня вымахал второй нос, а на голове шевелятся змеи. Я поднял брови. Уэллман повернулся к Вулфу:

– Вы имеете в виду... – Он откашлялся. – Пожалуй, хорошо, что вы меня спросили. После того что я тогда сказал, вы вправе полагать, что я согласен на все, но это уж слишком... на мои деньги... десяток молодых женщин... по очереди...

– Что вы плетете, черт побери?! – не выдержал Вулф.

Сохраняя бесстрастный вид, я вмешался. По трем причинам: нам требовался заработок, мне хотелось взглянуть на Бэйрда Арчера и не хотелось, чтобы, вернувшись в Пеорию, Джон Р. Уэллман рассказал всему городу, что нью-йоркские детективы соблазняют стенографисток оптом, по заказу.

– Вы не поняли, – сказал я Уэллману. – Благодарю за комплимент, но под «интимными отношениями» мистер Вулф подразумевал «держаться за руки». Он совершенно прав: порой я и впрямь завоевываю симпатии молодых женщин, но только потому, что я застенчивый, а женщинам такие нравятся. Я полностью согласен с вами: нехорошо тратить на подобное ваши деньги. Положитесь на меня. Если дело вдруг примет серьезный оборот, я либо вспомню, что это ваши деньги, и пойду на попятный, либо продолжу, но уже за собственный счет.

– Я вовсе не ханжа, – возразил Уэллман.

– Прекрати зубоскалить! – взорвался Вулф.

– Я не ханжа, – настойчиво повторил Уэллман, – но я не знаю, кто эти женщины. Я понимаю, это Нью-Йорк, но ведь среди них могут оказаться девственницы...

– Совершенно справедливо, – поспешил согласиться я и обратился с упреком к Вулфу: – Мы с мистером Уэллманом понимаем друг друга. После некоего предела я его деньги не трогаю, даю слово. Правильно, мистер Уэллман?

– Пожалуй, да, – признал Уэллман; встретившись со мной взглядом, он посчитал, что самое время протереть очки, и поспешил сделать это, воспользовавшись носовым платком. – Да, вы правы.

– Вы не ответили на мой вопрос, – фыркнул Вулф. – Как быть с расходами, затратами времени и слабой надеждой на успех? К тому же практически все сведется к расследованию убийства Леонарда Дайкса, а не вашей дочери. Нам придется пробираться к цели окольными путями. Что вы решили, сэр? Мы продолжаем или заканчиваем?

– Продолжаем. – Наш клиент, по-прежнему наш клиент, нацепил очки на нос. – Если только... Я хотел бы заручиться вашим словом, что наши отношения останутся совершенно конфиденциальными. Я не хочу, чтобы моя жена или наш пастор узнали о... новых обстоятельствах.

Видя, что Вулф закипает, как чайник, я поспешил вмешаться:

– От нас они ничего не узнают. И никто другой тоже.

– Вот и хорошо. Нужно ли выписать еще один чек?

Вулф сказал, что нет, пока рано. Мне казалось, повестка уже исчерпана, но Уэллман пожелал задать несколько вопросов, главным образом о Рейчел Абрамс и о доме, в котором размещался ее офис. Видно, он собрался наведаться туда и навести справки. Я, готовый на все, лишь бы выпроводить его из кабинета, прежде чем он опять забеспокоится о девственницах или переполнится чаша терпения Вулфа, который не выносит встреч и бесед с клиентами, не стал его отговаривать.

Распрощавшись с Уэллманом, я вернулся в кабинет. Вулф, с хмурым видом откинувшись на спинку кресла, вычерчивал на подлокотнике эллипсы.

Я потянулся и зевнул:

– Пойду, пожалуй, переоденусь. Бежевый костюм будет в самый раз. Девицы любят мягкий материал, который не царапается, когда приклонишь головку на плечо. А вы можете пока поразмыслить, какие будут указания.

– Никаких указаний не будет! – прорычал Вулф. – Черт побери, добудь мне наконец что-нибудь! – Он нагнулся и нажал кнопку звонка, чтобы Фриц принес пиво.

Глава 7

Не подумайте, будто я всерьез ломал голову, какой костюм надеть. Это была лишь форма протеста, и довольно беспомощная. А что делать, ведь для того, чтобы завязать отношения с персоналом конторы «Корриган, Фелпс, Кастин и Бриггс», мне потребовалась бы более совершенная экипировка, чем бежевый костюм, даже такого нежного оттенка и приятный на ощупь, как мой. Как и сказал Вулф Уэллману, все сотрудники в конторе уже наверняка сыты по горло докучными расспросами о Леонарде Дайксе и Бэйрде Арчере, поэтому стоит мне заявиться туда и раскрыть рот, как меня тут же спустят с лестницы.

Я поднялся к себе в комнату, прежде всего чтобы уединиться и обмозговать положение подальше от Вулфа и телефона. Рассудил я просто. Чего у нас еще имеется в избытке, кроме меня, что способно привести в восторг этих девиц? Вы угадали: конечно же, орхидеи, да еще в это время года, когда все они буйно цветут и цветки сохраняются вплоть до самого увядания растений. Четверть часа спустя я возвратился в кабинет и заявил Вулфу:

– Мне понадобится уйма орхидей.

– Сколько?

– Не знаю. Для начала – десятка четыре-пять. Только я сам выберу.

– Это исключено. Послушай моего совета. Не трогай *Cypripedium Lord Fisher*, *Dendrobium Cybele*...

– Такие расфуфыренные мне ни к чему. С меня хватит каттлей, броссокаттлей и лелий.

– У тебя губа не дура.

– Еще бы. За столько лет.

Я вышел из дому, остановил такси и дал адрес убойного отдела на Двадцатой улице. Там вышла неувязка. Пэрли Стеббинс ушел на ланч. Попытаться получить то, зачем я пришел, от кого-нибудь другого было бы пустой тратой времени, поэтому я настоял на аудиенции у Кремера, и меня послали в его кабинет. Кремер сидел за столом, уминал салями с огурчиками и запивал их кефиром. Когда я доложил, что хочу взглянуть на дело Дайкса и составить список сотрудников конторы, где он работал, Кремер заявил, что занят и не может со мной препираться, но рад был меня видеть и желает мне всего доброго.

– Да, сэр, – вежливо поблагодарил я. – Мы сделали для вас все, что могли. Раздобыли связь между Дайксом и Уэллман. Разнюхали все про Абрамс, пока ее тело еще не остыло, и бескорыстно передали вам. Да, вы застряли, но и мы в тупике. Теперь мне понадобился список имен, который я мог бы запросто раздобыть в другом месте, затратив на это пару часов и двадцатку, но вы изволите быть слишком заняты. Нет, вы не виноваты, это все еда. Желудок небось дурит. Черт побери, занятая же у вас диета!

Кремер проглотил смесь салями и огурчиков, нажал кнопку внутренней связи и заговорил:

– Росси? Посылаю к тебе Гудвина. Арчи Гудвина. Покажи ему досье Леонарда Дайкса, и пусть он выпишет имена тех, кто работает в той юридической конторе. Больше ничего ему не давай. И следи за ним. Ясно?

– Да, инспектор, – проскрежетал металлический голос.

Домой на Тридцать пятую улицу я поспел к ланчу, заскочив еще по дороге в писчебумажный магазин, чтобы приобрести простые белые наклейки. Остальное, что могло мне потребоваться, было под рукой.

После ланча я приступил к делу. В моем списке числилось шестнадцать женщин. Конечно, порывшись в деле, я мог бы узнать, кто есть кто, но на это ушло бы много времени, к тому же я не хотел быть необъективным. Девушка, занимающаяся архивами, могла понадобиться не меньше, чем личная секретарша старшего компаньона Джеймса А. Корригана. Для начала я

ограничился только именами и напечатал каждое из них на отдельной наклейке. Кроме того, я шестнадцать раз напечатал на простой белой бумаге, чтобы не испортить впечатление копией, отпечатанной через копирку:

Эти орхидеи настолько редкие, что купить их нельзя.

Я отобрал их для Вас. Если хотите узнать почему, позвоните мне по телефону РЕ 3-1212.

Арчи Гудвин

Упрятав конверт с наклейками и записками в карман, я поднялся в оранжерею, взял корзину и нож, перешел в теплый отсек и принялся срезать орхидеи. Мне требовалось сорок восемь штук, по три на каждую женщину, но я срезал с запасом, на всякий случай, главным образом – *Cattleya Dionysius*, *Katadin* и *peetersi*, *Brassocattleya Calipso*, *fournierae* и *Nestor*, а также *Laeliocattleya barbarossa*, *Carmencita* и *St. Gothard*. Букет получился потрясающий! Теодор предложил свои услуги, и я не стал отбрыкиваться. Правда, он пытался отговорить меня от *Brassocattleya Calipso*, которые якобы не полностью расцвели, но я настоял на своем. В помещении для пересадок у нас хранятся подарочные коробочки, нарядная бумага и ленты. Теодор аккуратно укладывал цветы и прилагал записки, а я приклепывал наклейки и ковырялся с лентами. Ох и пришлось мне с ними помучиться! Вулф-то собаку съел в этом деле, даже Теодору было далеко до него, не говоря уже обо мне, но сегодня правил бал я. Когда наконец был завязан последний бантик, а все шестнадцать коробочек тщательно упакованы в большую картонную коробку, часы показывали без двадцати четыре. Времени хватало. Я стащил коробку вниз, надел пальто и шляпу, вышел, поймал такси и дал водителю адрес на Мэдисон-авеню в районе Пятидесятых улиц.

Контора «Корриган, Фелпс, Кастин и Бригс» располагалась на восемнадцатом этаже одного из тех зданий, где не жалеют мрамора, чтобы пустить пыль в глаза; двустворчатая дверь в контору помещалась в самом конце широкого коридора. Дверной доводчик был ужасно тугой, должно быть, рассчитан на то, чтобы вытолкнуть лошадь, поэтому я вступил в приемную без свойственной мне грации, что отношу также на счет громоздкой картонной коробки. В просторной приемной двое клиентов дожидались, сидя на стульях, еще один слонялся взад-вперед, а в углу, за стойкой, мрачная трехцветная блондинка колдовала над коммутатором. В нескольких шагах от нее стоял небольшой столик. Я подошел, поставил коробку на пол у стойки, развязал и принялся вытаскивать одну за другой нарядные коробочки с бантами и раскладывать их на столике.

Суровая блондинка огля меня уничтожающим взглядом.

– День матери¹ в феврале? – устало спросила она. – А может, у вас там атомная бомба?

Я закончил раскладывать коробочки и придвинулся чуть ближе.

– На одной из этих коробочек, – сказал я, – вы найдете собственное имя. На остальных – другие имена. Доставить нужно сегодня. Быть может, у вас прибудет бодрости и оптимизма...

Я замолчал, так как говорил в пустоту. Девушка выскочила из-за стойки и рысью метнулась к столику. Не знаю, на какое чудо она надеялась, но, судя по ее прыти, оно могло уместиться в столь изящной коробочке. Пока она разыскивала свое имя, я подошел к двери, ударом ноги открыл ее – и был таков.

Если нарядные банты возымеют столь магическое действие на всех женщин в этой конторе, то обрывать телефон мне начнут с минуты на минуту, а потому я намекнул таксисту, что неплохо бы прорваться к Тридцать пятой улице менее чем за час, но, увы, сами знаете, что творится на Манхэттене в это время дня.

¹ Американцы отмечают День матери во второе воскресенье мая. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Когда мы наконец добрались, я взбежал по ступенькам, открыл ключом дверь, промчался на кухню и спросил у Фрица:

– Мне никто не звонил?

Он ответил, что нет. При этом глаза его странно заблестели.

– Знаешь, Арчи, – сказал он, – если тебе понадобится помощь с дамами, можешь на меня рассчитывать. Забудь про мой возраст: швейцарец и в старости швейцарец.

– Спасибо. Возможно, я тебя позову. Теодор тебе насплетничал?

– Нет. Мистер Вулф рассказал.

– Экий завистник!

Мне вменялось в обязанность докладывать, когда бы я ни возвращался с задания. Поэтому я пошел в кабинет и позвонил по внутреннему телефону в оранжерею, где Вулф ежедневно проводит время с четырех до шести вечера.

– Я дома, – сообщил я. – Цветы доставлены. Кстати, я поставлю их в счет Уэллману по три доллара за штуку. По дешевке.

– Нет. Я не торгую орхидеями.

– Но он же клиент. А без цветов нам не обойтись.

– Я не торгую орхидеями! – отрезал Вулф и бросил трубку.

Я достал учетную книгу, подсчитал затраченное время и расходы Сола, Фреда и Орри, которых отозвали с дела, и выписал им чеки.

Первый звонок я принял почти в шесть. Обычно я отвечаю: «Кабинет Ниро Вулфа, у телефона Арчи Гудвин», но сейчас решил, что стоит подсократить формальности, и сказал просто:

– Арчи Гудвин слушает.

– Это мистер Арчи Гудвин? – спросил суховатый, надтреснутый, но все еще женский голос.

– Да.

– Меня зовут Шарлотта Адамс. Я получила коробочку с орхидеями и вашей запиской. Большое спасибо.

– Не стоит благодарности. Симпатичные, правда?

– Просто загляденье, но только я не ношу орхидеи. Они из теплицы мистера Ниро Вулфа?

– Да, хотя он называет ее оранжереей. Но вы можете смело вдевать их в петлицу, они для того и предназначены.

– Мне сорок восемь лет, мистер Гудвин, так что у вас должны быть какие-то особые причины, чтобы послать мне орхидеи. Почему вы это сделали?

– Буду с вами откровенен, мисс Адамс. *Мисс* Адамс?

– Нет. Миссис Адамс.

– Все равно буду откровенен. Девушки то и дело выходят замуж и уезжают, и в моем списке номеров телефонов зазяли гигантские прорехи. Я задал себе вопрос: чему обрадуются девушки из того, что я могу им предложить? Ответ оказался такой: десятку тысяч орхидей. Цветы, правда, не мои, но у меня есть к ним доступ. Поэтому я сердечно приглашаю вас завтра вечером в шесть часов посетить дом номер девятьсот два по Западной Тридцать пятой улице, полюбоваться орхидеями, а потом мы вместе пообедаем, и я уверен, ничто не помешает нам хорошо провести время. Вы записали адрес?

– Я должна проглотить эту ахинею, мистер Гудвин?

– Ни в коем случае. Глотать будете завтра за обедом. Обещаю, угощение будет пальчики оближете. Придете?

– Сомневаюсь, – сказала она и повесила трубку.

Во время разговора вошел Вулф и устроился за столом. Он хмуро посмотрел на меня и принялся оттягивать нижнюю губу указательным и большим пальцем.

Я обратился к нему:

– Начало ни к черту. Почти пятьдесят, замужем, да еще и умничает. Она каким-то образом проверила номер и уже знала, что он ваш. Я, правда, и так собирался им открыться. У нас...

– Арчи!

– Да, сэр.

– Что за чушь ты нес насчет обеда?

– Никакой чуши. Я не успел вам сказать, что решил пригласить их отобедать с нами. Это очень поможет...

– Отобедать здесь?

– Где же еще?

– Нет! – сказал Вулф, как ножом отрезал.

Я возмутился.

– Это ребячество! – произнес я в тон Вулфу. – Вы презираете женщин и – дайте мне высказаться, – во всяком случае, не терпите их общества. Раз уж вы зашли в тупик с этим делом и перевалили всю тяжесть на меня, я хочу, чтобы мне развязали руки. К тому же я не верю, будто вы способны выгнать из дому орду голодных братьев по разуму, независимо от их пола, в часы обеда.

Вулф стиснул губы, а разжав их, изрек:

– Прекрасно. Отведешь их в ресторан «Рустерман». Я позвоню Марко, и он предоставит вам отдельный кабинет. Когда выяснишь, сколько...

Тренькнул телефон, и я поспешно развернулся, снял трубку и сказал:

– Арчи Гудвин слушает.

– Скажите что-нибудь еще, – прошептал женский голос.

– Теперь ваш черед, – возразил я.

– Это вы приносили коробочки?

Звонила мизантропка за коммутатором.

– Угадали, – признал я. – Все дошли по адресу?

– Да, кроме одной. Одна из наших девушек прихворнула и осталась дома. Ох и заварили же вы кашу, скажу я вам! А верно, что вы тот самый Арчи Гудвин, который работает у Ниро Вулфа?

– Тот самый. И это телефон Вулфа.

– Ну и дела! В записке сказано: позвонить и спросить «почему». Так почему?

– Я затосковал и решил устроить вечеринку. Завтра в шесть. Здесь, у Ниро Вулфа. Адрес в телефонном справочнике. Если и другие последуют вашему примеру, то вам ничего не угрожает. Уйма орхидей, уйма напитков, возможность узнать меня поближе и обед, достойный «мисс Америка». Можно полюбопытствовать, как вас зовут?

– Конечно. Бланш Дьюк. Так, говорите, завтра в шесть?

– Точно.

– Вы не могли бы кое-что записать?

– Обожаю это занятие.

– Запишите: Бланш Дьюк. Потрясающее имя, правда? Так вот, два стаканчика сухого джина, один – сухого вермута, две капли гренадина и две капли «Перно». Успели?

– Угу.

– Думаю, приду, если нет, отведайте сами. Я никогда не знаю, что буду делать на следующий день.

Я проворковал, что советую ей прийти, развернулся и обратился к Вулфу:

– Эта поприветливее, чем миссис Адамс, и на том спасибо. А ведь еще часа не прошло, как они закончили работу. Теперь насчет обеда в «Рустермане»... Им, конечно, лестно будет посидеть в лучшем ресторане Нью-Йорка...

– «Рустерман» отменяется.

– Как? Вы сказали, что...

– Я передумал. Обед будет здесь. Я составлю меню с Фрицем... Пирожки с омарами и утка с вишней и виноградом. Женщинам по вкусу придется калифорнийский рислинг; хорошо, что он пригодился.

– Вы же его не любите.

– Меня здесь не будет. Я уеду без пяти шесть, пообедаю с Марко и проведу вечер с ним.

В своих рассказах о подвигах Ниро Вулфа я не раз упоминал, что он никогда не оставляет дом по рабочим делам, но этот случай придется, по-видимому, растолковать. Строго говоря, я мог бы сказать, что он собрался к Марко не по рабочим делам, а из-за них, но это просто увертка.

– Вам следовало хотя бы посмотреть на них, – попытался протестовать я. – И они так мечтают познакомиться с вами. Особенно миссис Адамс. Ей сорок восемь, в самый раз для вас, семейная жизнь у нее не ладится, иначе она не стала бы работать. К тому же...

Зазвонил телефон. Я схватил трубку и представился. Звонкое сопрано отбросило трубку от моего уха на несколько дюймов.

– Мистер Гудвин, я обязана была вам позвонить! Конечно, так не полагается, но, поскольку мы не знакомы и никогда не встретимся, считаю себя вправе не называть себя. Это самые чудесные орхидеи, которые мне приходилось видеть! Сегодня я иду к друзьям на вечеринку, там будут все свои... То-то они рты пораскрывают, когда увидят орхидеи! А знаете, что я скажу, когда они спросят, кто подарил мне цветы? Я жду не дождусь! Конечно, я могу сказать, что они от тайного воздыхателя, но я не та девушка, которая мечтает о тайных воздыхателях, и не знаю, что им отвечу, но цветы такие расчудесные, что просто нельзя удержаться...

Когда я пять минут спустя брякнул трубку, Вулф пробормотал:

– Ты забыл пригласить ее.

– Да, – подтвердил я. – Она девственница. И боюсь, останется ею навсегда.

Глава 8

Пожалуй, впервые за все время целая компания посторонних очутилась в оранжерее в отсутствие Вулфа. Страшное бремя ответственности ошарашило Теодора. Мало того что он с замиранием сердца следил, чтобы никто из гостей не опрокинул скамейку или не сорвал цветок с уникального гибрида, так я еще уставил целый стол в помещении для пересадок подозрительными напитками. Поскольку беспризорные посетительницы то и дело наведывались к столу, Теодору заранее делалось плохо от одной мысли, что кто-нибудь опрокинет стакан с крепким пойлом в горшочек, который он лелеял десять лет. Конечно, мне было жаль Теодора, но я хотел, чтобы гости чувствовали себя как дома.

Моя задумка сработала. Позвонили только семь, но, судя по всему, они как следует все обсудили в конторе, поскольку пришло их аж десять, две группы по пять человек. Еще две позвонили сегодня, в среду, пока я отсутствовал. Дело было неотложным – я ездил в Бронкс поговорить с миссис Абрамс. Она, конечно, не пришла в восторг от моего визита, но я приехал просить об одолжении и выполнил свой долг до конца. В конце концов скрепя сердце она согласилась. Мне оставалось еще завербовать Джона Р. Уэллмана, но тут мне повезло – хватило одного звонка в отель.

С моей точки зрения, эти дамочки всем гуртом смотрелись выше среднего, и мне было бы проще простого познакомиться с ними, утолить их жажду и развлекать байками про орхидеи, не будь я так занят тем, что мысленно рассортировывал их и расставлял по полочкам на будущее. Я мог бы избавить вас от необходимости выслушивать подробности того, как я это проделывал, тем более что вряд ли кто-нибудь рискнет повторить мой подвиг. Сейчас-то мне ничего не стоит выложить вам всю их подноготную, но тогда наводить справки было не у кого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.